

Анатолий ГОРБАТЮК

Новейшие истории из жизни одесских памятников

...Вот знакомый поворот —
Но ни дома, ни ворот!
И стоит в испуге Сёма
И глаза руками трет.
Дом стоял
На этом месте!
Он пропал
С жильцами вместе!..

Не уверен относительно нынешней детворы, а вот в моем, таком далеком уже, детстве эти стихи Агнии Барто знали все. Самое удивительное: основывались они на реальных событиях, происходивших в 1930-х годах в Москве. Согласно генеральному плану реконструкции города, были перемещены некоторые здания в центре, и не какие-то там халупы, а многоэтажные дома, для чего были предварительно установлены на специальные тележки. Чудеса, да и только!..

Нашего замечательного города эти новации в строительстве не коснулись, чему можно только радоваться, особенно учитывая сегодняшние реалии. Впрочем, нынешним "перестройщикам", если им необходимо что-либо грандиозное построить, типа многофункционального развлекательного центра, а на приглянувшемся месте стоит какой-нибудь обшарпанный памятник архитектуры, им в их светлые головы и мысль не придет искать дорогостоящее инженерное решение. Какой смысл, если есть столько способов решить проблему быстро и без серьезных затрат?

Наиболее распространенный способ решения — пожар. Только не подумайте, что строитель-толстосум будет ночью красться к мешающему ему объекту с тряпкой, вымоченной в керосине, — что за примитивизм! Просто однажды объект вспыхнет, аккуратно подожженный с нескольких сторон, воды в ближайшем пожарном гидранте не окажется, а пока блестящие пожарные раскатают шланги и подключат их к другому гидранту, уже останется только пепелище, обрамленное могучими старыми стенами. Как правило, причиной возгорания оказывается короткое замыкание (чтобы быть точным — короткие замыкания). Или же не соблюдающиеся правила пожарной безопасности бомжи — выбирай вариант на свой собственный вкус...

Вообще-то об исчезновении с карты Одессы памятников архитектуры уже столько сказано, что продолжение разговора на эту тему — бесполезная трата времени. А вот сама идея перемещения зданий меня "зацепила" после разговора с редактором "Всемирных одесских новостей" Евгением Голубовским, подбросившим мне любопытную идею. "Тебе, Анатолий, не кажется, что есть смысл памятники, которые в обозримом будущем могут появиться в нашем городе, сразу устанавливать на тележки? — сказал Евгений Михайлович. — Смотри, как в последнее время они лихо меняют места их первоначальной установки!"

...Одесса, как и другие города Советского Союза, была буквально наводнена памятниками Ленину и Сталину. Счет шел на десятки: Ленин с кепкой (где-то в глуши даже умудрились поставить Ленина с двумя кепками — в руке и на голове), Ленин, куда-то зовущий, Ленин-оратор, Сталин в шинели, Сталин в кресле, Ленин и Сталин, Ленин и Горький... После потрясения, полученного от доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, от памятников злодею Сталину избавились чуть ли не в течение суток, а вот памятники дедушке Ленину, несмотря на огромное количество ставших известными просто ужасающих фактов его деятельности, долго еще "украшали" (кое-где и сегодня "украшают") улицы, площади и скверы больших и малых городов.

В Одессе все памятники вождю мирового пролетариата были демонтированы (не разрушены!) и перевезены в парк имени Ленинского комсомола еще в конце прошлого тысячелетия — специально для его немногочисленных поклонников. Впрочем, не все. Ветераны давно уже разоренного, а когда-то мощного судоремонтного завода, сегодня пугающего своими руинами прохожих на улице Приморской, с гордостью указывают на сохранившийся памятник Ильичу (между прочим, первый в Одессе), стоящий среди цехов-призраков. "Нам удалось сохранить его!" — с гордостью говорят ветераны, часто слыша в ответ: "Лучше бы попытались сохранить сам завод!"

Такой же заброшенный и неухоженный памятник Ульянову (Ленину) тоскует на территории когда-то мощного завода "Прессмаш", сегодня влачащего самое жалкое существование. Срабатанный в камне, вождь когда-то ко всем "красным числам" календаря красился под бронзу, а нынче — кому он нужен? Как справедливо заметила Елена Удовиченко в газете

"Одесская жизнь", "будь он из бронзы или другого металла, его бы уже и в помине не было"...

...В начале улицы Ланжероновской, возле центрального входа в управление самой крупной в мире судовладельческой компании — знаменитого Черноморского пароходства, в 1983 году был установлен памятный знак, посвященный 150-летию основания ее прообраза, Русского общества пароходства и торговли (легендарного РОПиТа). Когда ЧМП, словно по мановению палочки злого волшебника, исчезло, памятный знак переместили на одну из аллей Центрального парка имени Т.Г. Шевченко — подальше от любопытных глаз туристов. Отметим, что знак этот совершенно четко вписался в интерьер аллеи, названной Суворовской: такой же неухоженный, грязный, с разбитой в постаменте облицовочной плиткой. Сирота — он и есть сирота...

...Известный американский искусствовед второй половины XX столетия Клемент Гринберг, которого специалисты считают одним из крупнейших критиков и теоретиков американского неогаварда 30 — 60-х годов, является автором фундаментального труда "Авангард и китч". Он прожил долгую жизнь и ушел в лучший мир в 2000 году, в 91-летнем возрасте, за четыре года до появления в Одессе, в самом ее сердце, памятника Апельсину, который горожане, как всегда, метко назвали памятником Взятке. Вовсе не случайно, заговорив о Гринберге, мы сразу же вспомнили скульптурный шедевр, установленный в 2004 году на углу улиц Ланжероновской и Пушкинской: увидев его, американский искусствовед наверняка использовал бы в качестве иллюстрации к своей работе. Кстати, приведем несколько выдержек из нее: "Там, где есть авангард, обычно есть и арьергард... Одновременно с приходом авангарда на промышленном Западе возникло и второе культурное явление — то, чему немцы дали замечательное название "китч": рассчитанное на массы коммерческое искусство... Для того чтобы удовлетворить спрос нового рынка, был изобретен новый товар — эрзац-культура, китч, предназначенный для тех, кто, оставаясь безразличным и бесчувственным к ценностям подлинной культуры, все же испытывал духовный голод, томился по тому отвлечению, какое могла дать только культура определенного рода..."

Имеет ли право на жизнь памятник-китч, который, по выражению того же К. Гринберга, только "имитирует воздействие искусства"? Вполне! Но может ли он находиться в окружении истинных памятников классической архитектуры, таких как Археологический музей (архитектор Ф.В. Гонсиоровский, 1883), музей морского флота Украины (архитектор Г.И. Торичелли, 1842), дом, который одеситы и сегодня называют домом Г.Г. Маразли (архитектор Ф.К. Боффо, 1840-е)? Да ни в коем случае! Авторы этого до чрезвычайности перегруженного мелкими деталями памятника (здесь и "обездоленный" апельсин, и карета, и тройка лошадей, и верстовые столбы, и несчастный император, и даже фрагменты зданий), как и меценаты, попросту воспользовались отсутствием художественного вкуса у тогдашнего мэра. Мэра, который, кстати, не устал твердить, что Одесса — самый что ни на есть обыкновенный город. Потому достаточно быстро "Апельсин" сменил "место прописки" и оказался на бульваре Михаила Жванецкого — наиболее нейтральной территории в заповедной части Города: исторический центр совсем рядом, и в то же время — полное отсутствие сколько-нибудь значимых архитектурных сооружений. К последним, думаем, ни один серьезный читатель не отнесет три высотки, которые еще относительно недавно были "украшены" собранными вместе словами "Ленин, партия, народ", смысл которых очень трудно было объяснить иностранцам...

Вспоминается "тележка Голубовского" и при взгляде на памятник одному из самых знаменитых одеситов — Григорию Григорьевичу Маразли, почетному гражданину Одессы, городскому голове в течение 17 (!) лет, когда Одесса становится одним из самых богатых и красивейших городов не только Российской империи, но и Европы, пожизненному председателю греческого благотворительного общества, выдающемуся меценату и благотворителю. В 1895 году, при жизни Григория Григорьевича (!), улица Михайловская (бывшая Новая) переименовывается в улицу Маразлиевскую. Редчайший случай, второй в истории — после графа Ланжерона!

Между прочим, в 1907 году городская дума принимает решение об установке бюста Маразли на Театральной площади — между Оперным театром и Английским клубом. Трудно объяснить, почему это решение не было исполнено.

В 2004 году как будто бы восторжествовала историческая справедливость: в центре Одессы, на Греческой площади, был установлен памятник Г.Г. Маразли. "Как будто бы" — потому что через довольно короткое время из-за очередного переустройства некогда очень уютной площади, которая в результате становилась все менее привлекательной, памятник был перемещен на улицу Маразлиевскую, что вызвало глухое недовольство греческой общины. Одесских греков понять можно: хоть формально все правильно (памятник Маразли — на улице его же имени), он оказался вдалеке от туристических маршрутов, а фоном ему служит серое, безликое здание постройки 1930-х годов. А может, это и к лучшему, потому что издевательство над Греческой площадью продолжают, а могучая община — как воды во рты набирается...

Впрочем, хотя упорные разговоры, что очень скоро будет все же выполнено решение городской думы 106-летней давности и бюст Григория Григорьевича появится возле реставрируемого после пожара здания музея морского флота, в котором когда-то находился Английский клуб...

Чемпионом же по количеству перемещений, безусловно, является прекрасная скульптурная группа "Лаокоон и сыновья, удушаемые змеями", имеющая достаточно длинную (иногда — трагикомическую) историю и напрямую связанная с тем же славным городским головой.

А все начиналось в таком далеком уже от нас 1870 году, когда гласный Одесской городской думы и преуспевающий промышленник сорокадвухлетний Григорий Маразли, путешествовавший по Европе, увидел картину знаменитого испанского художника Эль Греко "Лаокоон" и, совершенно очарованный и сюжетом, и манерой его изложения великим испанцем, загорелся мыслью во что бы то ни стало приобрести ее. И наверняка бы свое желание осуществил, если бы не посещение в скором времени Ватиканского музея, где во Дворе скульптур (Бельведере) перед глазами одесского миллионщика предстало великое творение в цельной глыбе белого мрамора трех мастеров с острова Родос — по тому же сюжету! И хоть создано оно было еще в I веке до н. э., имена этих великих ваятелей не остались безвестными, и с некоторым трепетом мы назовем их: Агесандр, Полидор и Афинодор. А в нашей истории Эль Греко отходит на второй план, и Григорий Григорьевич тут же заказывает копию вмиг покорившей его скульптуры, которая и была исполнена в каррарском мраморе молодым скульптором Карлом Чевраном. В том же 1870 году эта копия, оказавшаяся, по единодушному мнению специалистов самого высокого ранга, лучшей из огромного количества копий "Лаокоона", прибывает в Одессу...

Уже много лет в нашем городе бытует легенда, согласно которой Маразли подарил ее Одессе. Ничего подобного! Григорий Григорьевич, щедрый меценат и благотворитель, сделавший Городу и его жителям огромное количество подарков, увековечивших его имя (один только Художественный музей чего стоит!), "Лаокоона" решил оставить себе. Можно сказать, для личного пользования. Он установил его на прекрасной даче с захватывающим видом на Одесский залив в оконечности Мало-Фонтанской дороги (ныне — Французский бульвар). Он с гордостью показывал скульптуру многочисленным гостям, а гости у хлебосольного Маразли встречались далеко не простые. Как пишет одесский исследователь и писатель Родион Феденев, "в его доме на Пушкинской жилва будущий король Филипп Эммануил, принц крови бывали на его даче по Мало-Фонтанской дороге"...

Беда на дачу нагрянула в середине 1920-х, когда по предложению одесских скульпторов М.Ф. Безчастнова и М.В. Замечка конфискованными и национализированными (читай — разграбленными) скульптурами, что находились в собственности местных аристократов, начали украшать одесские площади и скверы. Так в 1927 году в Городском саду появилась скульптурная композиция "Лев и львица", исполненная в свое время талантливым французским скульптором Огюстом Каэном по заказу известного одесского сахарозаводчика Семена Бродского и украшавшая вход в его дачу, а чуть раньше — трогательные "Амур и Психея" нашли достойное место в Пале-Рояле...

С "Лаокооном" же что-то не складывалось у новой власти с самого начала. В 1924 году в "Одесских известиях" появился анонс, извещающий горожан о том, что в ближайшее время это чудо скульптурного искусства украсит своим присутствием бульвар Фельдмана (ны-

не — Приморский бульвар). Но почему-то не украсило. Более того, "Лаокоон" на несколько лет вообще выпал из поля зрения общественности, чтобы объявиться весьма неожиданно в 1928 году в небольшом скверике на углу улиц Троцкого (ныне — Преображенской, а ранее — Советской Армии) и Розы Люксембург (ныне — Бунина). Сквер этот последовательно назывался Полицейской площадью, площадью Кондратенко, площадью Розы Люксембург, а ныне — площадью Веры Холодной...

Вот что рассказывает о даче Маразли и о том беспокойном времени знаток одесской старины писатель Ростислав Александров: "...от дачи Маразли осталась прекрасная даже в заброшенности оранжерея и парк, против которого бульвар плавно поворачивает к морю". Вот в этом парке и простояли несколько десятилетий мраморные Лаокоон с сыновьями, обвитые змеями, — до тех пор, пока, по словам того же автора, не "...умыкнули этого троянского героя вкупе с сыновьями из парка Маразли в то злосчастное время, когда грабили дома и дачи... С тех пор многое изменилось, и бульвару, который долгое время носил имя Пролетарский, вернули исконное название, но Лаокоону некуда и не к кому возвращаться..."

Кстати, а что же наша скульптурная гордость? Довольно долго она простояла на этом шумном, но мало посещаемом туристами перекрестке, пока в 1969 году на нее не обратила внимания очередная свалившаяся на Одессу партийная "шишка", в смысле новый первый секретарь областного комитета партии. Только заинтересовала она последнего не изяществом линий и точностью пропорций, а бессовестным, с точки зрения так себе образованного партийного бонзы, изображением голых мужчин в людном месте, где ходят наши советские дети. Вот тогда и началось... Сначала "Лаокоона" осклопили (слава Богу, мраморного), потом привесли лавровый листок, но несколько иного колера, затем, с большим опозданием окружив ее глухим забором, продолжали издеваться над скульптурой. С опозданием — потому что одесский народ уже вдоволь насмеялся над попытками подчинить работу древнегреческих ваятелей идеям и методам социалистического реализма...

Впрочем, зачем мы все это рассказываем? Давным-давно эту жуткую историю с успехом поведал с эстрады известный юморист Геннадий Хазанов по тексту, написанному не менее известным сатириком Семеном Альтовым, у которого "Лаокоон" стал "Гераклом", а события перенесены в некий город N. Все же остальное — один к одному. Через какое-то время российский писатель и публицист Михаил Веллер рассказывает ту же историю, произошедшую якобы в Санкт-Петербурге, когда тот был Ленинградом. При этом утверждая, что в Одессе подобное все не происходило. Вот чудак! Недаром, видать, к этому автору еще Сергей Довлатов имел определенные претензии, правда, по другому поводу...

А в Одессе, дождавшись, когда деятельный партийный вождь областного разлива получил новое назначение — в Киев, неравнодушные горожане привели "Лаокоона" в нормальное состояние, и в 1971 году скульптурный раритет оказывается перед Археологическим музеем. Ничего не скажешь: место вполне достойное и посещаемое. А территорию в сквере, на которой стоял "Лаокоон", в 1988 году успешно заняли "Петя и Гаврик", герои замечательной повести Валентина Катаева "Белеет парус одинокий", исполненные в бронзе одесским скульптором Николаем Степановым. Знатки утверждают, что это было последнее скульптурное произведение, созданное в Одессе в советское время...

И все бы хорошо, да только на новом месте не дают покоя нашему мифическому семейству одноклеточные вандалы, из-за чего даже было предложено убрать "Лаокоона" в один из музейных залов, а на всеобщее обозрение выставить копию из полимерных материалов. Нам же кажется, что "Лаокоон и сыновья, удушаемые змеями" давно заслужили у Города спокойной старости под надежной охраной и возможности оставаться на последнем месте пребывания. На этот раз — уже навсегда. Ну не катать же, в самом деле, памятники по замечательному городу. Даже на специально предназначенных для этого тележках...

Р. С. Очерк был готов, когда стало известно, что одесские коммунисты, несколько легкомысленно представляющиеся продолжателями дела Ленина, в восторге размахивают решением суда, согласно которому "главный" памятник обожжаемому ими идолу можно вернуть на Куликово поле.